

Все тот же Солженицын

лит. Россия — 1998 — 25 Дек. — с. 4

Когда колеса солженицынского пулемана стучали по Транссибу, им в такт, по всей нашей необъятной, у многих отдавалось в перепонках: «Спаси-тель-едет! — Месси-я-едет! Спаси-тель-едет! — Месси-я-едет!» Дожили. Выдюжили. Вот погодите уж, мироеды! Пожалеем-ся мы на вас. Попечалуемся. Есть теперь кому. Спаситель едет! Мессия едет! Расскажем, как обижает нас, как теснит и гнетут бояре коварные и десятиники ловкие. Как обобрали они нас дочиста, не погнушавшись даже стариковскими гробовыми-похоронными. Как бесприютными сиротами нас сделали на своей земле.

И вот Великий Старец на родине. Все ждали от него слова. Это было впечатляюще. Великий Старец говорил веско, проникновенно. Он говорил на площадях, в собраниях, с главной государственной трибуны, перед самим ареопагом он говорил. Современные технические дивности позволили ему быть услышанным и увиденным в каждом доме, донесли его вещие пламенные слова до каждой души. Он учил, он просил, он убеждал, уговаривал, увещевал, порицал, изобличал. Его речи несли заряд такой колоссальной энергетической силы, что действительно казалось — они способны пере-тянуть мир. Но шло недели, месяцы. Минул год, другой. А чуда почему-то не происходило.

Правдивое слово Великого Старца не перетягивало мира. Он говорил, а мир слушал и жил обычной своей, безблагодатной жизнью, как жил до его триумфального возвращения. Больше того, Великий Старец со своими проповедями как-то незаметно, но верно вписался в обиход нашей заглушающей народный вопль свободы слова. Занял там свою нишу. И в известной мере он теперь даже служил, вольно или невольно, той отвратительной боярской лжи, которую он должен был бы, как многие надеялись, победить.

И тогда, вначале глухо и неуверенно, но потом все отчетливее и настойчивее, народ стал роптать на своего не оправдавшего надежд избавителя. И этот туда же. Не устоял. Сребрениками их прельстился. Ни Бога не боится, ни людей не стыдится. Да он ли это!

Дошел ли ропот страдальцев до Великого Старца, или понял он самостоятельно, что ложь не только не одолев, а, напротив, уже ей и содействует, но он вдруг решительно прекратил свои проникновенные, но, очевидно, бесполезные выступления. И тогда он оставил мир, который ему не удалось спасти, и превратился в совершенного затворника. Несколько лет о нем почти ничего не было слышно.

Казалось, одолели хитрецы бояре. Взяли свое. Ложь опять восторжествовала. Но рано, рано они праздновали. Перетерпел их Великий Старец. Измором взял. Да и то верно, разве по ним этот сук! Он их поразили же оружием. Он не знал вначале или забыл уже, что с ними нельзя сражаться в честном, открытом бою. Все равно обманут. Так дело вывернут, что самый беззаветный, самый искренний народный радетель будет выглядеть лицемерным, лукавым, продажным, трусливым. И поэтому он отступился как будто. Не слушаете! мимо ушей пропускаете! хихикаете над тем, как брызжит старик! — хорошо, не буду. Я ухожу. Перед свиньями бисер метать мне не годится. Он отступился, но не поступился. И в конце концов он им достойно ответил. Поразили их наповал.

Очевидно, тех месяцев, когда Солженицын позволялось выступать перед самой широкой аудиторией, обращаясь напрямую к народу и к власти, когда он пытался что-то сдвинуть здесь, что-то поправить, изменить, этих месяцев ему хватило, чтобы вполне убедиться, насколько здесь все заострено, насколько все изъедено ржавчиной всех семи смертельных пороков, насколько поражены самые души людей. И не только власти — это-то само собою, — но и души черни оказались в значительной степени пораженными. Об этом-то власть по-

заботилась очень даже старательно. Такие, изъеденные пороками, души подданных представляют для нее, власти, меньшую опасность, ибо у них меньше морального права требовать от власти праведного к себе отношения.

И вот, увидев, что нашей вселенской лжи ему противостоять теперь еще тяжелее, чем даже это было в первый славный период его борьбы, — а силы-то уже не те, — увидев, что обычное открытое слово правды в этой новой борьбе не годится, увидев, наконец, что он сам едва не стал орудием лжи, Солженицын прибегнул к своему старому, проверенному, безотказному, неуязвимому приему, сформулированному им в свое время в трех лаконичных и произительных заповедях: НЕ ЛГАТЬ! НЕ УЧАСТВОВАТЬ ВО ЛЖИ! НЕ ПОДДЕРЖИВАТЬ ЛОЖЬ!

И Солженицын ушел в подполье в самой демократической стране в мире. Он начал партизанскую борьбу с властью лжи. И он дождался своего часа. Выставил-таки потерпевшую бдительность ложь во всей ее неприглядной наготы.

Известно ведь, если Бог кого-то хочет покарать, он отнимает разум. Решила власть россий-

ская показать всему свету, как она умеет ценить некоторых заслуженных своих подданных, ну и прежде всего, конечно, себя потешить. Нужны иногда даже самой бездарной власти такие широкие, шикарные жесты — с парадами, с фанфарами, с награждениями, с рукопожатиями. Все это придает ей, власти, некоторую респектабельность. Это очень удобное замещение комплекса вины. Ну и что, говорит власть, что у нас там неполадки, здесь прорехи, зато, посмотрите, кто с нами, кто нас поддерживает, кто пользуется нашим благоволением, кто шею вытягивает под наши ордена. Академики! Известные писатели! Любимые артисты! Знаменитые спортсмены! Значит, эти люди с нами. Они за нас. Своим участием, своей лояльностью они освящают наши деяния. А значит, мы, несмотря на временные трудности и мелкие недочеты, на верном пути. Они, люди эти, гарантируют нашу правоту.

И вот решила власть таким же манером пожаловать Солженицыну, самому крупному, самому маститому русскому писателю, человеку легендарному, с которым считаются в мире, с мыслями которого соизмеряют свои

мысли целые поколения людей, решила пожаловать по случаю его юбилея самую высокую, или, как принято у них говорить, самую престижную, свою награду — орден Святого апостола Андрея Первозванного.

Собственно, орден этот возобновлен совсем недавно. И о нем стоит сказать несколько слов. Впервые он был учрежден в России государем Петром Алексеевичем. Этот бесспорно великий и славный орден родился в со-ответствующую великую и славную эпоху, он был под стать эпохе, когда Россия, прирастающая территориями, сокращая «домашних и внешних сопостатов», находилась на невиданном подъеме во всех областях жизни: расширились старые и завоидились новые производства, выросли целые города, единственные российские союзники — ее армия и флот — крепчали день ото дня на страх врагам, юношей питали науки, а сам государь ради подданных, лишив себя покоя, простер в работу руки. И, естественно, тогда Андреевский орден, наряду с императорским титулом главы государства и другим, был символом величия России. Реального, добытого штыком, созданного руками народа величия.

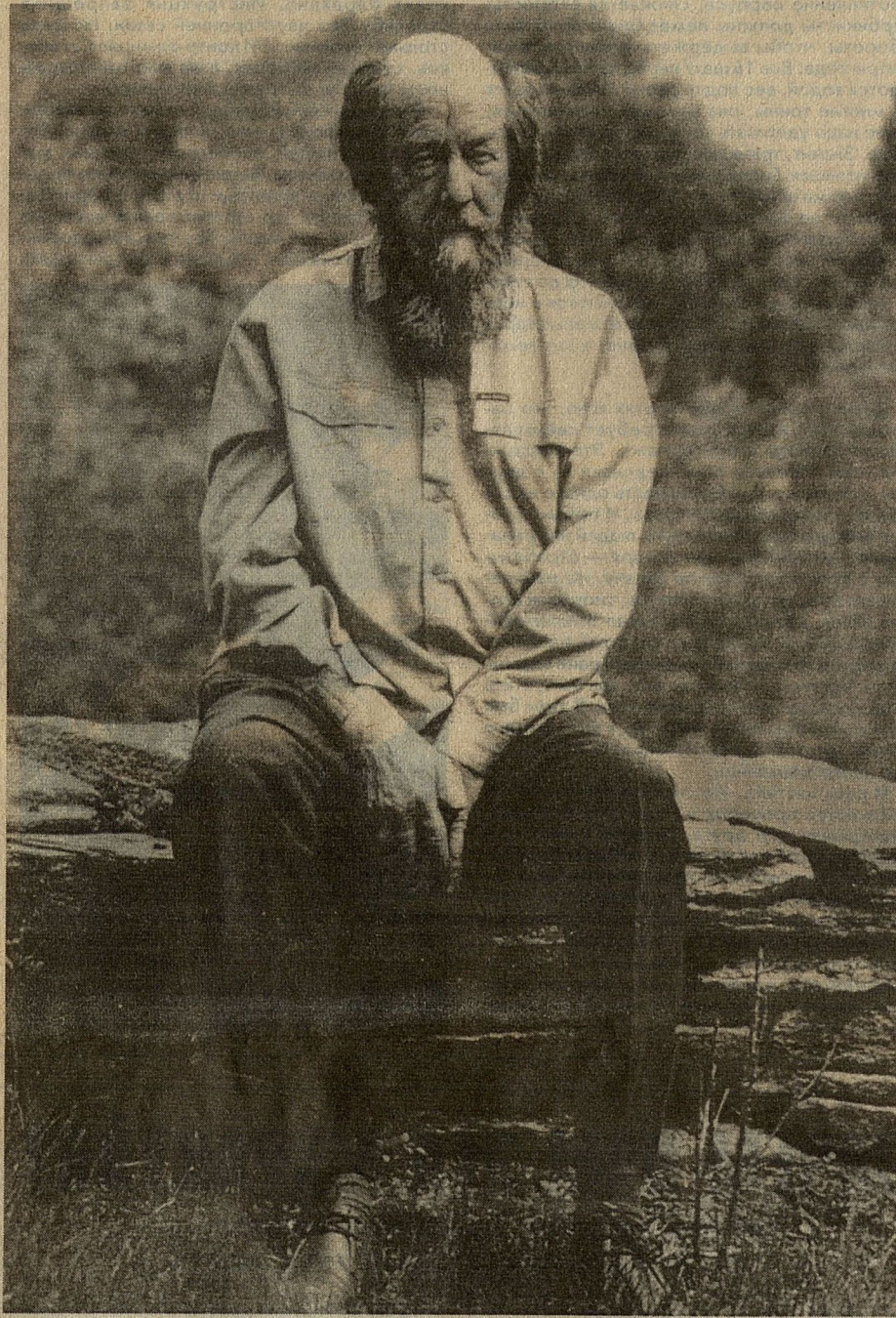
Совершенно обратное, по всем перечисленным пунктам, переживает Российское государство сегодня. И в такой ситуации появление всякого рода пышных государственных регалий кажется не совсем уместным, а равно неуместным и даже вызывающей предостережения и церемонно-парадная, показная сторона жизни нынешнего народа. Что может символизировать новый Андреевский орден? Какую такую славу? И в этом смысле очень показателен пример посвящения в орден первого и пока единственного его кавалера. Выбор власти выпал тогда на престарелого ленинградского академика. Человек он, безусловно, заслуженный и, возможно, достойный самой высокой награды. Но тут вопрос: от кого эту награду получать? Из чьих рук? Из рук создателей Российского государства, из добрых отеческих рук, получить действительно почетно и лестно. Академик же не погнушался принять награду из самых неласковых, самых неумелых рук, когда-либо управлявших Россией и ничего, кроме неприятностей, пока Отечеству не доставивших.

Но, помимо того, слишком уж театраль-но, слишком «мишурно» выглядит и самый знак ордена — этакая гирлянда из метал-лических блях, надеваемая на шею. И опять-таки это придумано для большего эффек-та. Ведь власти в данном случае нужен прежде всего эффект от представления с награждением, политические дивиденды, как говорят. И академика не смутили ни оче-видная показная церемония, ни сам муляж-ный знак ордена.

Впрочем, академик на самом деле в столь почтенных летах, что ему уже все равно, чем его наградят, — экзотическим ли орденом, значком ли «ГТО», или путевкой в пионерский лагерь. Он всему будет одинаково рад. А церемония этого исторического награждения, несмотря на все старания церемониймейст-ров, вышла скорее зрелищем печальным, не-жели торжественным. Эффект получился об-ратный. Сошлись двое, очень, кстати, похо-жие друг на друга люди. Награждающий — гальванизирующая шевелящаяся мумия и счастливый кавалер — ровесник Мамрицкого дуба — академик. Награждающий, царая кавалеру уши, неловко надел ему на шею су-сальную гирлянду, и оба в изнеможении рух-нули на диван. Такая нынче наша слава.

Прошло, однако, время. И власти вновь по-требовалось показать свою состоятельность. Но случилось непредвиденное. Случилось та-кое, от чего изощренная камарилья не смогла даже скрыть своего позорного потрясения, комментируя затем происшедшее. Солжени-цын проигнорировал их высшую награду. Он публично заявил буквально следующее: «От верховной власти, доведшей Россию до нынеш-него ее состояния, я принять награды не могу!» Отказавшись ее принимать, он тем самым по-казал истинную цену их орденам с громкими названиями, он тем самым показал истинную цену самой «верховой власти». Он не стал уча-ствовать во лжи. И не стал поддерживать ложь.

Юрий РЯБИНИН

РЕПЛИКА

ЛЕВАЯ, ПРАВАЯ ГДЕ СТОРОНА?..

В нашем обществе, к сожалению, не переводятся непримиримые ультралибералы, алчущие крови, этаким рыцарям перманентной общественной бойни, безумного взаимного истребления — как «слева», так и «справа». Это так называемые «профессиональные патриоты» и не менее «про-фессиональные демократы», то есть заказные горлопаны, луженой глоткой зарабатывающие себе на хлеб. Сегодня в оглозделом отрицании А. Солженицына они оказались, как ни парадоксально, в одном ряду. Опасное, я вам скажу, соседство, этакое лево-правое, а в сущности — кровавое, подобное гремучей смеси, которая, как известно, взрывается путем соединения, казалось бы, несоединимого...

Впрочем, никакого парадокса тут вовсе нет. Еще Сталин подчеркивал: «...Левые — это те же пра-вые, маскирующие свою левизну».

Достаточно мне было в газете «Правда-пять» (№ 72 — 73 от 6 июня 1998 года) назвать Солже-ницына русским патриотом, как меня одернул некий американский автор российского происхождения Нилов в журнале «Наш современник» (1998 г., № 11 — 12). Для Нилова Солженицын, конечно же, лютый враг, с потрохами продавшийся Западу. А для меня Нилов — тот безумно озлоблен-ный человек, голос которого я слушал в телефонной трубке... Как говорится, два брата-акробата.

В. Нилов на чем свет стоит ругает Солженицына, особенно за то, что писатель, якобы, подыгры-вает Западу и потому, дескать, является ненавистником России. Чушь, конечно! Ну а сам господин Нилов как оказался в обетованном мире?

Журнал «Наш современник» просто душно оповещает: «С 1949 года живет на Западе, перешел в свое время (как это — «перешел»?.. Взял да и пошел себе без оглядки за пограничный столб?.. — В.Ю.) в Западную зону Германии. Советский суд вынес ему приговор, который был гораздо серь-езнее и страшнее, нежели приговор, вынесенный Солженицыну, так что с этой точки зрения Волин (т.е. Нилов. — В.Ю.) имеет полное моральное право писать об авторе «Архипелага ГУЛАГ» все, что он пожелает написать...» («Наш современник», 1998 г., № 11 — 12).

Странная, мягко скажем, логика. Выходит, Волин, добровольно сменявший для житейского удо-бства свое имя на Нилов, — ге ро й д н я, «имеющий полное моральное право» обливать грязью Солженицына, называть писателя «предателем», «лицемером» и пр. и пр. А я не имею морально-го права называть Солженицына патриотом России и выгляжу, дескать, весьма посрамленным профессором...

Но его, Волина-Нилова, «переход в Западную зону Германии», в условиях «холодной войны» и резкого противостояния СССР и Западной Европы, — что, разве не предательство? Ведь господин Волин-Нилов из м е н и л Родине, воинской присяге, перебежал на Запад, стал предателем. А Солженицын не предавал, не перебежал границы, его насильственно, не спрашивая на то согласия, взяли да и вышвырнули, как щенка, в Западную Германию. Волин-Нилов, обустроившись на Западе, наверняка вопил о претеснениях в Советском Союзе, а Солженицын в это же время тянул лямку в концлагере, вкалывал денно и нощно, подобно своему герою Ивану Денисовичу. И он же, много-страдальный мученик, — по «право-левой» логике профессионального патриота Волина-Нилова вкупе с «Нашим современным», «предатель»... Вот уж поистине фарисейство без конца и без края.

«Это почти детективная история, интригу которой надо суметь понять: юбилей Солженицына и лицемерие на исходе XX века», — точно, иронично подметил Олег Павлов («Москва», 1998 г., № 11, с. 125).

Вот уж воистину, будто в изрядном подпитии, заплутали в дебрях туманной политики иные наши «профессиональные патриоты», не знают, где лево, где право. Им лишь бы крушить, колошма-тить, а кого — неважно. По принципу: бей своих, чтоб чужие боялись. А чужие-то не боятся — злорадно хихикают...

Владимир ЮДИН,
профессор Тверского университета

г. ТВЕРЬ

25.12.98

Солженицын Александр